
УДК 821.161.1

МИЛЛИОНЩИКОВА Т.М.¹ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в. В СЛАВИСТИЧЕСКИХ РАБО-
ТАХ У.М. ТОДДА III.

DOI: 10.31249/lit/2022.01.09

Аннотация. В данной статье внимание сфокусировано на исследованиях ведущего слависта США, профессора Гарвардского университета – Уильяма Миллза Тодда III. Главные объекты литературоведческого анализа У.М. Тодда III – жанровая специфика дружеских писем поэтов, связанных с литературным кружком «Арзамас»; жанровая специфика романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и поэтика сериализации в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Американский славист анализирует историко-литературный процесс в России XIX в., опираясь на исследовательские методы «новой критики», современной социологии, семиотики культуры и теории рецепции.

Ключевые слова: У.М. Тодд III; славистические исследования США; «новая критика»; социологический метод; семиотика культуры; теория рецепции; литературный кружок «Арзамас»; «дружеское письмо»; роман в стихах; сериализация; А.С. Пушкин; Ф.М. Достоевский.

Для цитирования: Миллионщикова Т.М. Исследования по истории русской литературы XIX в. в славистических работах У.М. Тодда III // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 1. – С. 132–143. – DOI: 10.31249/lit/2022.01.09

¹ Миллионщикова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

MILLIONSHCHIKOVA T.M. Russian literature of the nineteenth century in the Slavic studies of W.M. Todd III.

Abstract. The paper reviews some academic works by William Mills Todd III, professor of the Harvard University (USA), and the leading specialist in Slavic studies. Todd III focuses on the various aspects of the literary process in Russia in the nineteenth century: the genre traits of the familiar letters of the poets close to the literary circle *Arzamas*, the genre features of the novel in verse *The Eugene Onegin* by A.S. Pushkin, and the poetics of seriality in *The Brothers Karamazov* by F.M. Dostoevsky. The scholar resorts to different methods: «new criticism», sociological criticism, semiotics of culture, reception theory.

Keywords: W.M. Todd III; Slavic studies in the USA; «new criticism»; sociological criticism; semiotics of culture; reception theory; «Arzamas» (literary circle); familiar letters; novel in verse; poetics of seriality; A.S. Pushkin; F.M. Dostoevsky.

To cite this article: Millionshchikova, Tatiana M. “Russian literature of the nineteenth century in the Slavic studies of W.M. Todd III”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2022, pp. 132–143. DOI: 10.31249/lit/2022.01.09

Уильям Миллз Тодд III (William Mills Todd III) – ведущий американский славист, профессор и заведующий кафедрой Отделения компаративистики и славянских языков и литератур Гарвардского университета (штат Массачусетс, США), исследующий русский историко-литературный процесс Нового времени.

Анализируя художественные произведения А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, У.М. Тодд использует разные исследовательские подходы, среди которых доминируют «пристальное чтение», современная социология, семиотика культуры и теория рецепции.

Высшее образование будущий американский славист начал с занятий математикой, а русский язык изучал исключительно для того, чтобы читать математическую литературу, написанную по-русски. Однако присущая ему любовь к литературе оказала определяющее воздействие на его дальнейший выбор: он отказался от математики в пользу филологии. Существенную роль при выборе новой специальности, по его признанию, сыграло и то обстоятельство, что даже во времена «холодной войны» американский чита-

тель проявлял огромный интерес к произведениям русской литературы.

Выбор Тодда совпал с бурным расцветом американской русистики, пришедшимся на начало 1960-х годов, когда в общественной жизни США проявился глубокий интерес к Советскому Союзу, а изучение в американских университетах русского языка и русской литературы стало оформляться в специальные учебные курсы. Главное внимание при этом фокусировалось на творчестве Достоевского, и первые значительные успехи молодых выпускников славистических кафедр американских университетов были связаны с интенсивным и весьма плодотворным осмыслением творчества именно этого русского писателя. В своих исследованиях они прежде всего опирались на достижения англо-американской «новой критики», стремились проследить с помощью метода «пристального чтения» огромное количество тонких взаимодействий между отдельными элементами художественных текстов.

В 1960-е годы начала осуществляться академическая программа по научному обмену между СССР и США, в ходе которой молодые слависты американских университетов, в числе которых оказался и У.М. Тодд, получили доступ к советским библиотекам и архивам. В период его работы в Советском Союзе к приобретенным в США знаниям в области «западного» литературоведения – компаративистики и «новой критики» – добавились новые теоретические подходы, связанные с русским формализмом, идеями М.М. Бахтина и Московско-тартуской школы. В своих исследованиях, направленных на то, чтобы «прояснить особенности развития русской литературы» [7, с. 7], американский славист на протяжении почти шестидесяти лет использует все эти теории – как западные, так и российские.

По воспоминаниям У.М. Тодда, он, как и другие участники академических обменов, вскоре осознал, что в СССР «под видимой ровной поверхностью... протекает живая – хотя и неофициальная и потому часто лишенная возможности публикаций – литературная жизнь» [там же]. Как и многим его советским коллегам, американским славистам пришлось изучать русскую литературу в

«неформальной обстановке»: «в “кухонных беседах”, характерных для этого культурного андерграунда» [7, с. 7].

В своих работах У.М. Тодд освещает самые важные открытия и достижения науки о литературе, совершенные в Советском Союзе между 1953 и 1991 гг. «на тех уровнях, которые социологи знания называют вторым и третьим уровнями социальной интерпретации: на самом низком – в эмпирических исследованиях, и на следующем уровне, предполагающем теоретическое обсуждение отдельных сфер и процессов социальной жизни (таких, как социология малых групп)» [7, с. 292]. «Высший же уровень – метода, структуры, оснований исторического материализма, его законов и категорий», с точки зрения У.М. Тодда, «оставался не подлежащим обсуждению (по крайней мере, в публичном поле)» [там же].

В отличие от его американских коллег, занимавшихся творчеством Достоевского, исследовательское внимание американского слависта в ходе его архивных изысканий в Советском Союзе было направлено на историко-культурную и литературную деятельность дружеского кружка «Арзамас», объединявшего выдающихся русских поэтов и литературных критиков начала XIX в. – К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, А.И. Тургенева, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, глубоко увлеченных совершенно новой для русской литературы того времени эпистолярной формой – так называемого «дружеского письма». Серьезного исследовательского внимания деятельность участников литературного кружка «Арзамас» заслуживает, по мнению У.М. Тодда, поскольку она сыграла существенную роль в становлении российской культуры европейского уровня.

Свои наблюдения, полученные благодаря возможности работать в советских архивах, У.М. Тодд обобщил в изданной Принстонским университетом монографии «Дружеское письмо как литературный жанр в эпоху Пушкина» (*The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin*) [3]. Работая над книгой, он пришел к выводу, что возникший в историко-культурной атмосфере России начала XIX в. жанр дружеского письма (*familiar letter*), не имевший многовековой традиции в отличие от эпистолярного наследия латинской, французской, английской литератур, оказался

связан с *литературой* (literature) отнюдь не только этимологически [3, р. 8].

Метод «пристального чтения» дружеских писем, который использовал У.М. Тодд, призван был помочь ему «собрать письмо» как целостное литературное произведение, демонстрирующее связь его составляющих: «дружеское» (friendly) и «письмо» (letter). Автор монографии делает оговорку, что он «предпочел этот иллюстративный метод статистическому из уважения и к истории литературы, и к математике... “Правила большинства” в демократии не являются обязательными в республике словесности. В статистических анализах процентное соотношение мало что значит без стандартов значимого отклонения или статистической релевантности. Такие проблемы были разработаны для стихосложения, но не для более крупных литературных единиц. С точки зрения литературного “импульса” какой-нибудь один пример может превзойти сотни других и так прочно войти в сознание современников и будущих поколений, что сам по себе он конституирует традицию» [3, р. 9–10].

Для русских исследователей XIX в., публиковавших много писем, не представлявших значительного литературного интереса (деловые письма и короткие записки), корреспонденция имела прежде всего биографическую важность, и проблемы литературной формы занимали в их исследованиях место небольшое. В монографии У.М. Тодда, напротив, главное внимание уделено соотношению писем арзамасцев с русской культурой начала XIX в. в целом. Отказываясь от неоправданного использования таких клише, как «разговорный язык», «лаборатория» и «эксперимент», которыми изобилуют работы предшественников, изучавших эпистолярный жанр, американский славист выявляет отличительные особенности «дружеских писем» в сравнении с другими жанрами начала XIX в. и рассматривает те направления, по которым пошло развитие дружеского письма, после того как «Арзамас» прекратил свое существование.

Вместе с тем исследование жанровой специфики «дружеского письма» призвано, по замыслу автора монографии, способствовать современному пониманию историко-литературного значения

«Арзамаса», культурной ситуации его времени и различий между наиболее важными представителями этого кружка. Предпринятый У.М. Тоддом анализ переписки арзамасцев не ограничен чисто формальным подходом: в монографии показано, что уже в ходе отбора идей для своих дружеских посланий членам кружка удавалось преобразовывать эти идеи в «историческую реальность».

Специальное внимание обращено на то обстоятельство, что в начале XIX в. литературные занятия в России не считались профессиональным трудом, и произведения арзамасцев, с этой точки зрения, можно рассматривать исключительно как творчество поэтов-любителей, поскольку они жили на доходы со своих имений и от государственной службы, а не от литературных занятий.

Проблема изменения социальной роли писателя глубоко волновала Пушкина. В монографии «Литература и общество в эпоху Пушкина: Идеология, институты и повествование» (*Fiction and Society in the age of Pushkin: Ideology, institutions and narrative*) [5] У.М. Тодд отмечает, что, хотя старшие современники поэта превратили русскую поэзию в утонченную форму развлечения на салонных вечерах, великий русский поэт, всегда проявлявший живой интерес к самому процессу становления литературы, в начале 20-х годов XIX в. приступивший к написанию «Евгения Онегина», ощущал необходимость утверждать свою независимость как «писателя» и «дворянина» от покровительства высшей аристократии, констатирует У.М. Тодд.

Обратившись к исследованию пушкинского творчества, американский славист делает оговорку, что в литературной жизни США русский поэт не завоевал того положения, какое считали бы достойным его гения те, кто читал его произведения в подлиннике. Широкий интерес к творчеству Пушкина в США стал проявляться лишь после окончания Второй мировой войны, когда во всех крупнейших американских университетах и во многих небольших колледжах возникли специальные курсы и семинары по изучению пушкинского наследия.

Важной в американском пушкиноведении, по мнению У.М. Тодда, становится проблема «пушкиноцентризма пушкинистики» [1, с. 58], связанная с уникальным статусом поэта в русской

культуре. Недостаточно рассматривать творчество Пушкина лишь в качестве «образца литературного совершенства» [7, с. 59], для адекватного понимания литературных процессов пушкинской эпохи следует иметь полное представление и о творчестве литературных соперников поэта, и о выборе Пушкиным альтернативных путей.

Тема «Пушкин и общество» «не давала покоя пушкинским критикам с самого начала творческой биографии поэта», отмечает Тодд в статье «Пушкин и общество: Перспективы после 1966 года» (*Pushkin and Society: Post-1966*) [6], опубликованной на русском языке в сборнике его работ «Литература и общество в эпоху Пушкина: Идеология, институты и повествование» [7, с. 46–66]. В ней поднимается вопрос: «как Пушкин, сначала достигший славы, а затем оказавшийся невостребованным своей эпохой, стал не только классиком, но и “русским национальным поэтом”»? [7, с. 57].

Процесс формирования уникального статуса Пушкина в русской литературе освещается в статьях составленного У.М. Тоддом сборника «Современное американское пушкиноведение» [1]. Объединив в этой книге 12 статей виднейших североамериканских русистов, прослеживающих особенности восприятия пушкинских произведений в *другой* культурной среде, редактор-составитель руководствовался намерением продемонстрировать интерес авторов работ прежде всего к *тексту* пушкинских произведений («Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Повести Белкина» и др.) как основному предмету анализа, предпринятого в духе «новой критики».

С точки зрения У.М. Тодда, многие авторы статей, представляющие североамериканскую славистику (М. Левитт, Б. Гаспаров, М. Гринлиф, Р. Хьюз, С. Сандлер, И. Паперно, П. Дебрецени), несмотря на то что им приходится преодолевать языковой барьер, приложили значительно больше усилий «для того, чтобы объяснить блеск стихов и значимость наследия Пушкина иноязычной аудитории, чем их русские коллеги» [1, с. 58].

В этом же сборнике опубликована статья самого У.М. Тодда «“Евгений Онегин”: Роман жизни», вошедшая также в книгу «Социология литературы: институты, социология, нарратив» [7]. Применяя методы современной социологии, семиотики культуры и

теории рецепции, исследователь рассматривает пушкинский «роман в стихах» в контексте литературного процесса и идеологии высших слоев общества начала XIX в. С этой точки зрения, в «Евгении Онегине» сосуществуют две наложенные друг на друга сюжетные структуры: в рамках одной из них герои (в том числе и автор-рассказчик) строят свою жизнь, используя синкретические культурные коды образованного (вестернизированного) общества; в рамках другой – автор-рассказчик постепенно обретает способность создать собственный «роман в стихах».

Ключевым для обеих структур понятием является «условность» (иногда в форме моды или стиля, иногда как традиция), под которой понимается совокупность повторяющихся действий, позволяющих членам данной социальной группы (сознательно или неосознанно) идентифицировать ситуацию, предсказывать результаты собственных поступков, понимать поступки других. Герои пушкинского «романа в стихах» отличаются друг от друга не только диапазоном «условностей», которыми они оперируют, но и тем, «насколько они способны пользоваться этими условностями в повседневной жизни» [7, с. 92–93].

В упоминавшейся статье «Пушкин и общество: Перспективы после 1966 года» [6], [7, с. 46–66] У.М. Тодд дает обзор различных точек зрения – от знаменитого определения «Евгения Онегина» как «энциклопедии русской жизни», высказанного В.Г. Белинским, до провокационного заявления А.Д. Синаевского: «Пустота – содержимое Пушкина» [7, с. 46]. Сосредоточив внимание на оценках пушкинского творчества, вышедших после 1966 г. в советском и в зарубежном литературоведении, Тодд выделяет среди них три направления, которые, с его точки зрения, способствовали более глубокому теоретическому изучению пушкинского наследия: дискурсивный анализ М. Фуко, рецептивная эстетика Констанцской школы и семиотика Московско-тартуской школы. Если в 1920-е годы в фокусе исследований о Пушкине находились экономика и литература, то, начиная с 1960-х годов, в послесталинскую эпоху, советская семиотика, переживавшая свой расцвет, начала широко применять в пушкиноведении понятия «знаковые системы» и «культурные парадигмы», отмечает исследователь.

В Предисловии к сборнику «Социология литературы: институты, социология, нарратив» [7], объединяющему статьи, написанные исследователем в разные годы и опубликованные в разных изданиях, У.М. Тодд утверждает, что наиболее важными для пояснения особенностей развития русской литературы XIX в. представляются три понятия: идеология (ideology), институты (institutions) и повествование (narrative).

Под *идеологией* американский славист понимает «ряд практик», с помощью которых осуществляется ориентация в мире, способная привести к миропониманию, ассоциируемому со «здравым смыслом»; «идеология помогает людям понимать самих себя и других, признавать одних членов общества близкими себе и отвергать других, также делать стилистический выбор» [7, с. 8]. Примером могут служить идеи и образцы поведения европеизированного образованного русского дворянства в лице таких писателей начала XIX в., как Карамзин и Пушкин.

Под *институтами* американский славист понимает объективированные и устойчивые виды социальной деятельности с установленными функциями: «правительство, церковь, образование, семья, а также сам язык» [7, с. 8]. Институты становятся объектами изучения в моменты своего основания, в период, когда они попадают под внешнее давление или когда клонятся к закату. Россия XIX в., в которой профессионализация «в области секуляризованной литературы развивалась наряду и в соперничестве со старомодным литературным меценатством и любительством, связанным с литературными кружками и салонами, является плодотворной почвой для изучения тех литературных институтов» [там же].

Тодд отмечает, что великие русские писатели часто размышляли об институциональных возможностях своего времени, принимая активное участие в критике литературного процесса. «Роман в стихах» Пушкина «можно считать или не считать “энциклопедией русской жизни”» [там же], однако в нем, безусловно, содержится критика русской литературной и культурной жизни. «Мертвые души» Гоголя, напротив, исследуют доступные русскому писателю ограниченные материальные и институциональные

возможности. Достоевский и Салтыков-Щедрин, каждый по-своему, создавали великую художественную прозу на границе между искусством и публицистикой, используя ресурсы толстых журналов и превращая последние в наиболее мощный культурный институт в России середины XIX столетия. Позднее Чехов и Толстой начали создавать произведения искусства, предназначенные для новых читательских аудиторий в новых средствах информации – газетах и журналах, адресованных «массовому читателю» [7, с. 9].

Объединяет концептуальные рамки, задаваемые идеологией и институтами, *нарратив*, который в трактовке американского слависта выступает не только как сама история, но и как описание этой истории с одной или нескольких точек зрения. Нарратив «способствует рефлексии читателя о различных верованиях, ценностях и конвенциях» [там же]. Опираясь на точку зрения Бахтина, У.М. Тодд видит в романном жанре особо емкую форму нарратива, поскольку именно она «способна охватить множество противоречащих друг другу жанров, идеологий и точек зрения» [там же]. Печатавшиеся с середины XIX в. в толстых журналах романы русских писателей соперничали с текстами, не относящимися к художественной литературе (юридическими, медицинскими, научными, историческими, философскими, теологическими), публиковавшимися в этих журналах наряду с главами романов.

Для выяснения природы «таких столкновений» в романах Достоевского, в особенности в «Братьях Карамазовых», по мнению У.М. Тодда, необходимо выяснить вопросы, связанные с первоначальной публикацией и первоначальным восприятием читателями «итогового романа» Достоевского, печатавшегося на протяжении двух лет с 1879 по 1880 г. в шестнадцати номерах «Русского вестника». В статье «“Братья Карамазовы” и поэтика сериализации» [2] в центре внимания исследователя – проблемы соотношения «части и целого», «текста и контекста», для выяснения которых необходимо изучить историю печатания романа в форме серии отдельных книг и глав. Толчком к этому послужили «тактические», по выражению самого Достоевского, высказывания его в переписке с редактором, реакция современников на опубликованные части романа по мере его печатания, а также предисло-

вие «От автора», содержащее рассуждение об отношении отдельных компонентов ко всему роману и помогающее читателю понять, что опубликованный текст является лишь частью другого, большего текста.

Тодд констатирует, что о персонажах романа «Братья Карамазовы» повествуется многократно, в рамках разных дискурсов – литературного, научного, социологического; при этом читателю не дают забыть про угол преломления, про то, что эти истории рассказывает кто-то, обращаясь к кому-то и с какой-то целью. Такое преломление историй о личности становится очевидно уже в начале романа, в небольшом предисловии «От автора», которое обычно игнорируют при анализе «Карамазовых». Здесь саркастический и неприятно неопределенный «автор» представляет читателю младшего из братьев, Алешу, высвечивая его с различных углов зрения: как героя романа; как персонажа не столь великого, чтобы выбрать его в герои; как человека «неопределенного, невыяснившегося» и «странного, даже чудака», некую «частность», но при этом способного представить «сердцевину целого» в большей мере, чем «остальные люди его эпохи» [2, р. 92].

В заключение У.М. Тодд отмечает, что в ходе изучения материалов, вошедших в академическое Полное собрание сочинений Достоевского в 30 томах (1972–1990) – писем, записных книжек и черновых вариантов произведений, ученые конца XX в. осознали и показали, насколько те или иные художественные решения русского писателя определялись его глубокими литературными познаниями. Хотя Достоевский и не оставил трудов по поэтике романа, однако его черновые записи показывают, что он очень тонко понимал риторические и художественные последствия выбора повествовательной точки зрения, последовательности мотивов или любой из эстетических категорий – комическое, трагическое, сатирическое, ироническое.

Славистические работы Уильяма Миллза Тодда III по истории русской культуры, литературы и литературной критики переводились на русский язык и публиковались в советских и российских издательствах, в том числе в серии «Современная западная русистика».

Список литературы

1. Современное американское пушкиноведение : сб. ст. / ред. У.М. Тодд III. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. – 336 с. – (Современная западная русистика = Contemporary Western Rusistica).
2. Тодд У.М. «Братья Карамазовы» и поэтика сериализации.
Todd W.M. III. *The Brothers Karamazov and the poetics of serial publication* // *Dostoevsky studies*. – 1986. – N 7. – P. 87–97.
3. Тодд У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху.
Todd III W.M. *The familiar letter as a literary genre in the age of Pushkin*. – Princeton : Princeton univ. press, 1976. – 248 p.
4. Тодд У.М. «Евгений Онегин» : роман жизни.
Todd W.M. III. *Eugene Onegin : life's novel* // Todd III W.M. *Fiction and society in the age of Pushkin : ideology, institutions, narrative*. – Cambridge, MA : Harvard univ. press, 1986. – P. 106–136.
5. Тодд У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина : идеология, институты, нарратив.
Todd III W.M. *Fiction and society in the age of Pushkin : ideology, institutions, narrative*. – Cambridge, MA : Harvard univ. press, 1986. – 288 p.
6. Тодд У.М. Пушкин и общество : перспективы после 1966 года.
Todd III W.M. *Pushkin and society : post-1966 perspectives* // *The Pushkin handbook* / ed. by D. Bethea. – Madison : Wisconsin univ. press, 2005. – P. 364–378.
7. Тодд У.М. Социология литературы : институты, социология, нарратив / пер. с англ. А. Степанова. – Санкт-Петербург : Academic studies press : БиблиоРос-сика, 2020. – 352 с. – (Современная западная русистика = Contemporary Western Rusistica).